

Сакович, Е. Г. Англоамериканская историография германской политики СССР (1953—1964 гг.) / Е. Г. Сакович // Крыніцзнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 7 / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2012. — С. 118-126.

Е. Г. САКОВИЧ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКИ СССР (1953—1964 гг.)

Изучение германского вектора советской внешней политики в англо-американской историографии занимало одно из центральных мест. Ученых интересовал комплекс вопросов, связанных с анализом сложившейся в июне 1953 г. ситуации в ГДР и выявлением причин и результатов событий 1958—1961 гг. в Берлине.

Обращаясь к рассмотрению основных направлений анализа проблематики, З. Бжезинский и В. Гриффит в статье «Мирное обязательство в Восточной Европе», опубликованной в 1961 г. в журнале «Международные отношения», утверждали, что «перспективным направлением изучения политики СССР по отношению к ГДР должен стать всесторонний анализ деятельности советского руководства в ходе инцидента 17 июня 1953 г. в Восточной Германии¹ и во время кризиса 1958—1961 гг. в Берлине и влияния этих событий на состояние отношений СССР с Западом, и в первую очередь с Соединенными Штатами» [3, р. 642]. Приоритеты, очерченные учеными в 1961 г., для нескольких поколений исследователей представлялись по-прежнему актуальными.

Анализируя инициативы СССР по германской проблеме весной 1953 г., ученые полагали, что их следует рассматривать в контексте по-

¹ Термин «восстание» является общепризнанным в академических кругах англо-американских исследователей при определении событий, произошедших в Восточной Германии 17 июня 1953 г.

литической борьбы за власть в советском руководстве [16, р. 61; 18, р. 9; 22, р. 475].

Дж. Рихтер и К. Остерманн сошлись во мнении, что в период с начала марта и вплоть до 26 июня 1953 г., когда состоялся арест Л. Берия, в Кремле проходила «активная фаза соперничества за управление государством» [18, р. 12; 16, р. 72]. Авторы подчеркивали, что, несмотря на активное обсуждение советским руководством путей и методов решения германского вопроса, единой точки зрения так и не было принято. В. Молотов и Н. С. Хрушев, с одной стороны, пытались воплотить в жизнь отклоненное Западом предложение И. В. Сталина 1952 г. о воссоединении ГДР и ФРГ. Против их намерений выступал Л. Берия, который стремился «обменять воссоединение на нейтрализацию» и таким образом пытался преломить ситуацию в свою пользу. В итоге советское руководство весной 1953 г. оказалось не в состоянии выработать новые подходы и вынуждено было обратиться к уже имеющимся идеям [18, р. 12—15; 16, р. 77].

Выявление причин инцидента 17 июня 1953 г. в ГДР в академических кругах исследователей представлялось задачей первостепенной важности. Многие ученые (Дж. Рихтер, К. Остерманн, Р. Слассер, В. Бэрас) полагали, что глубинные корни начала июньских событий следует видеть в сложившейся системе отношений СССР и ГДР послевоенного времени [18, р. 22; 17, с. 51; 22, р. 476; 1, р. 263]. Р. Слассер в статье «Открытая фаза борьбы за Германию», опубликованной в 1979 г., однозначно заявлял, что модель социализма, навязанная Советским Союзом ГДР, в послевоенное время содержала многочисленные ошибки и не была адаптирована к германским реалиям [22, р. 476]. Автор признавал, что политика «нового курса», проводившаяся СССР по отношению к ГДР весной 1953 г., не достигла ожидаемого результата, а лишь способствовала обострению социально-экономической ситуации в стране [22, р. 476]. В. Бэрас в статье «Stalin's German Policy After Stalin», опубликованной в 1978 г., рассматривая политику «нового курса», утверждал, что, несмотря на свое «громкое» название, она определенно не содержала новых предложений, а только стимулировала массовое недовольство в ГДР [1, р. 266]. Соглашаясь по многим позициям с коллегами, Дж. Рихтер и К. Остерманн считали, что так называемый «новый курс» в действительности таковым не являлся, а представлял только в некоторой степени скорректированный вариант сталинской политики по строительству социализма в ГДР [18, р. 25—17, с. 52].

В высшей степени дискуссионным являлся вопрос, связанный с анализом позиций СССР и США в ходе июньских событий в ГДР. К. Остерманн и Р. Слассер, оценивая германскую политику США, полагали, что американское руководство, начиная с 1949 г., стремилось «подорвать существующий на территории Восточной Германии режим Социалистической Единой Партии Германии, но были застигнуты врасплох взрывом народного возмущения в Берлине и ГДР в июне 1953 г.» [17, с. 61—22, р. 478]. Ученые пришли к выводу, что первоначальная сдержанность администрации президента Д. Эйзенхауэра в начале инцидента довольно быстро сменилась попытками использовать ситуацию для дальнейшей дестабилизации режима. Разработанная в конце июня программа «психологической войны» против ГДР, центральным пунктом которой стала кампания продовольственной помощи восточногерманскому населению, быстро выявила противоречия и ограничительные факторы, характерные для политики «отбрасывания коммунизма» [17, с. 61—22, р. 478].

Диаметрально противоположную точку зрения высказал В. Инджимундарсон. В статье «Администрация Эйзенхауэра, правительство Аденауэра и политическое использование восточногерманского восстания 1953 г.», опубликованной в 1996 г. в журнале «Дипломатическая история», ученый отмечал, что для США в 1953 г. первостепенное значение имела война в Корее, которая как раз вступила в завершающий этап [8, р. 381]. По мнению исследователя, в корне неверным является широко распространенное утверждение о том, что администрация США имела определенный план действий по урегулированию инцидента в Восточной Германии и использовала для этого доктрину «отбрасывания коммунизма» [8, р. 382].

Обращаясь к рассмотрению позиции СССР, К. Остерманн полагал, что, несмотря на то что волнения в Берлине были спровоцированы советским руководством с целью избавиться от непопулярного генсека СЕПГ В. Ульбрихта, события в Восточной Германии вскоре вышли из-под контроля [17, с. 64]. Ученый подчеркивал, что советское правительство не имело точного плана действий, направленного на разрешение восточногерманского кризиса. Ситуацию усугубляли и постоянные опасения главы правительства Н. С. Хрущева, что США в любой момент могут использовать инцидент в своих целях [17, с. 64].

Р. Слассер, соглашаясь по многим позициям с К. Остерманном, писал, что «советская сторона в начале июньских событий была растеря-

на и не выработала адекватных решений, направленных на своевременное их урегулирование» [22, р. 479]. Интересную точку зрения высказал В. Инджимундарсон, который утверждал, что СССР сделал акцент на силовом варианте разрешения инцидента, так как все еще надеялся воплотить в жизнь идею объединения ГДР и ФРГ [8, р. 401].

Анализируя итоги восточногерманского кризиса 1953 г., ученые сошлись во мнении, что он представлял первое и одно из самых сильных сопротивлений коммунистическому режиму в Восточной Европе и вместе с тем стимулировал процесс дальнейшей дестабилизации в регионе [17, с. 66; 18, р. 29; 22, р. 479].

Наиболее пристальное внимание англо-американских исследователей привлек вопрос, связанный с анализом событий 1958—1961 гг., получивших в историографии название «второй берлинский кризис». Изучение проблематики велось в нескольких измерениях. Во-первых, перед учеными стояла задача поиска начала его причин. Во-вторых, перспективным направлением исследования выглядела возможность проведения аналогий и поиска взаимосвязи между берлинскими событиями 1958—1961 гг. и инцидентом на Кубе в 1962 г. И наконец, специалистов интересовал вопрос, связанный с анализом взаимоотношений СССР и ГДР во время кризиса.

При выявлении причин событий 1958—1961 гг. ученые сходились во мнении о том, что их следует искать прежде всего в политических взглядах Н. С. Хрущева и его понимании советских внешнеполитических целей [4, р. 179; 6, р. 51; 12, р. 99; 19, р. 188]. Многие исследователи (Р. Слассер, Дж. Шайк, Р. Ливингстон, Р. Гэртхофф, В. Дэвидсон, В. Барр) подчеркивали, что в период с 1953 по 1958 г. советский лидер преследовал цель спровоцировать администрацию США на кардинальный поворот в германском направлении [22, р. 479; 19, р. 190; 13, р. 300; 7, р. 151; 6, р. 60; 4, р. 181]. В. Дэвидсон и Дж. Шайк указывали, что Н. С. Хрущев инициировал ряд предложений по выходу ФРГ из НАТО и таким образом позиционировал себя в качестве активного борца за мир и стремился предотвратить милитаризацию Западной Германии и освободить ее от влияния США [6, р. 62; 19, р. 201]. По точному метафорическому замечанию Дж. Шайка, советскому руководителю «не давала покоя мысль о том, что Бонн представлял собой проявление прежнего германского милитаризма, одетого в американский фрак» [19, р. 231].

Р. Слассер, подчеркивая неоднозначность личности Н. С. Хрущева, указывал, что к 1958 г. у него появилась новая идея, согласно которой

СССР должен был заключить мирный договор с ГДР, а Западный Берлин — получить статус «вольного города» [22, р. 479]. Причину того, что СССР и США в ходе последующих переговоров на Женевской конференции министров иностранных дел в июне 1959 г. не пришли к единому решению, Р. Ливингстон и Р. Слассер также видели в политических взглядах советского лидера [13, р. 308; 22, р. 479]. Ученые отмечали, что на конференции в Женеве Н. С. Хрущев отклонил все предложения американской стороны, так как был убежден в том, что США продолжают настаивать на подтверждении своих прав в Берлине и выступают против мирного договора вместе с соглашением о вольном городе [13, р. 308; 22, р. 479]. На значительную роль политических амбиций советского лидера в процессе решения германского вопроса в 1959 г. указывали Р. Гэртхофф, В. Барр и Дж. Хадсон. Исследователи считали, что во время Женевской конференции глава СССР, находясь под влиянием критики хода переговоров со стороны китайского лидера Мао Цзэдуна, по-прежнему продолжал настаивать на своих требованиях. Н. С. Хрущев опасался, что в случае даже минимальных уступок США позиции СССР на мировой арене будут значительно ослаблены, что могло быть успешно использовано Мао Цзэдуном [4, р. 190; 7, р. 155; 11, р. 9].

Что касается проблемы установления пограничного режима в Берлине в августе 1961 г., некоторые ученые (Дж. Келлер, Дж. Шайк, В. Дэвидсон) полагали, что решение о возведении стены было принято советским лидером единолично [12, р. 101; 19, р. 196; 6, р. 88]. Дж. Келлер и Дж. Шайк пришли к мнению, что глава советского государства считал, что затянувшиеся переговоры с Западом не приведут к ожидаемому результату, и решил действовать более уверенно [12, р. 110; 19, р. 200]. Возведение стены в августе 1961 г., как отмечал В. Дэвидсон, было инициировано Н. С. Хрущевым и ознаменовало окончание очередного берлинского кризиса, но не явилось решением германской проблемы в целом [6, р. 91].

В академической среде англо-американских исследователей предпринимались также попытки сопоставления событий 1958—1961 гг. в Берлине и 1962 г. на Кубе. Р. Гэртхофф, Дж. Шайк и Дж. Келлер отмечали, что инцидент 1958—1961 гг. представлял собой третий случай советско-американского противостояния в Восточной Европе, не имеющего конкретного результата [7, р. 155; 19, р. 209; 12, р. 121]. С точки зрения ученых, второй берлинский кризис, равным образом как и ку-

бинский ракетный кризис 1962 г., являлся «эпизодом холодной войны», по завершении которого был преодолен только этап активного противостояния СССР и США, в то время как «пассивная фаза» противодействия двух государств продолжалась вплоть до окончания холодной войны [7, р. 155; 19, р. 209; 12, р. 121]. Кроме попыток проведения аналогий между берлинским и кубинским инцидентом, Дж. Шайк рассмотрел их взаимосвязь. Ученый утверждал, что Н. С. Хрущев, разместив советские ракеты на Кубе, в действительности преследовал цель стимулировать американское руководство к изменению позиций в германском направлении. Глава СССР надеялся, что США, находясь «под оружием», будут вынуждены пойти на еще один раунд переговоров по Западному Берлину [19, р. 210]. В целом Дж. Шайк отмечал, что действия СССР в 1962 г. не представляли серьезной угрозы для США и были направлены в первую очередь на немедленное разрешение германского вопроса по советскому сценарию [19, р. 210].

Не меньший интерес ученых вызвала проблема, связанная с анализом развития советско-восточногерманских отношений во время второго берлинского кризиса. Американские исследователи Х. Хэррисон и Д. Селведж из Международного центра В. Вильсона при университете Дж. Вашингтона отмечали, что анализ позиций главы СЕПГ В. Ульбрихта в ходе событий 1958—1961 гг. представляется на сегодняшний день задачей первостепенной важности [10, р. 206; 20, р. 220]. Ученые пришли к выводу, что источники из архивов бывших коммунистических стран, ставшие доступными в 1990-е гг., позволяют проследить динамику двусторонних отношений, рассмотреть реакцию главы ГДР на действия Н. С. Хрущева по урегулированию инцидента [10, р. 206; 20, р. 220].

По мнению Д. Селведжа, в период после смерти И. В. Сталина в марте 1953 г. и до возведения берлинской стены в августе 1961 г. авторитет главы СЕПГ в политической жизни страны повысился значительно [21, р. 201]. Соглашаясь с ним по многим позициям, Х. Хэррисон заявлял, что авторитет В. Ульбрихта как политического деятеля с 1953 по 1958 г. вырос настолько, что по многим вопросам он имел собственное мнение и оказывал давление на Н. С. Хрущева во время обсуждения проблем [9, р. 47]. Оценивая действия восточногерманского лидера периода 1958—1961 гг. современные американские исследователи М. Бешлосс и Дж. МакАдамс полагали, что во время кризиса восточные немцы во главе с В. Ульбрихтом в первую очередь стремились «не потерять соб-

ственное лицо» в противостоянии Восток — Запад. Глава СЕПГ считал, что идея мирного договора СССР с Восточной Германией являлась неосуществимой, и пытался заставить Н. С. Хрущева решить вопрос Западного Берлина вне общих рамок этого договора [2, р. 18; 15, р. 119]. Точку зрения М. Бешлосса и Дж. МакАдамса разделял Х. Хэррисон, полагавший, что глава ГДР не желал ждать «берлинских» предложений СССР и стремился урегулировать проблему независимо от советского лидера [9, р. 131].

По мнению В. Барра и Дж. Селведжа, изначально и Н. С. Хрущев, и В. Ульбрихт посредством решения западноберлинского вопроса преследовали свои цели. Советский лидер пытался воспользоваться сложившейся ситуацией, оказывая давление на Запад по ряду международных проблем. Глава СЕПГ скорее намерен был использовать Западный Берлин для того, чтобы надавить на СССР с целью расширения суверенитета ГДР, хотя по-прежнему и создавал видимость поддержки инициатив Н. С. Хрущева в этом направлении [5, р. 4; 20, р. 228].

Альтернативную точку зрения относительно позиции В. Ульбрихта высказал современный британский историк П. Мэдрелл. Оценивая роль восточногерманского лидера в процессе обсуждения решения об установлении пограничного режима в Берлине в августе 1961 г., исследователь утверждал, что «Ульбрихт, конечно, не мог заставить Хрущева выстроить стену, но, тем не менее, вел тонкую политическую игру. Он искусно использовал политические амбиции советского лидера: в том случае, если последний не выполнял некоторые из своих угроз относительно Берлина, Ульбрихт напоминал, делая акцент на том, что авторитет Хрущева в «социалистическом лагере» будет подорван значительно в случае отказа от данных им обещаний» [14, р. 28].

Изучение германского направления советской внешней политики периода 1953—1964 гг. в англо-американской историографии велось в двух основных направлениях. Во-первых, исследователей интересовал комплекс вопросов, связанный с анализом позиции СССР и США в ходе июньского инцидента 1953 г. в ГДР. Во-вторых, историки были заинтересованы в поиске причин и рассмотрении развития второго берлинского кризиса 1958—1961 гг. Избранный подход позволил ученым провести анализ различных аспектов проблематики и сформулировать перспективные направления дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Baras, V.* Stalin's German Policy After Stalin / V. Baras // *Slavic Review*. June 1978. Vol. 37, № 2. P. 259—267.
2. *Beschloss, M. R.* The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960—1963 / M. R. Beschloss. N. Y. : HarperCollins Publishers, 1991.
3. *Brzezinski Z.* Peaceful Engagement in Eastern Europe / Z. Brzezinski and W. Griffith // *Foreign Affairs*. July 1961. Vol. 39, № 4. P. 642—654.
4. *Burr, W.* Avoiding the Slippery Slope: The Eisenhower Administration and the Berlin Crisis, November 1958 — January 1959 / W. Burr // *Diplomatic History*. Spring 1994. Vol. 18, № 2. P. 177—205.
5. *Burr, W.* New Sources on the Berlin Crisis, 1958—1962 / W. Burr // *Cold War International History Project*. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Bulletin № 2. P. 1—5 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wilsoncenter.org/index.cfm> — Дата доступа: 23.06.2010.
6. *Davidson, W. P.* The Berlin Blockade: A Study in Cold War Politics / W. P. Davidson. Princeton: Princeton University Press, 1958.
7. *Garthoff, R. L.* Berlin 1961: The Record Corrected / R. L. Garthoff // *Foreign Policy*. 1991. № 84. P. 142—156.
8. *Ingimundarson, V.* The Eisenhower Administration, the Adenauer Government, and the Political Uses of the East German Uprising in 1953 / V. Ingimundarson // *Diplomatic History*. Summer 1996. Vol. 20, № 3. P. 381—409.
9. *Harrison, H. M.* Ulbricht and the Concrete «Rose»: New Archival Evidence on the Dynamics of the Soviet-East German Relation and the Berlin Crisis, 1958—1961 / H. M. Harrison // *Cold War International History Project*. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Working Paper а 5. P. 1—140 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wilsoncenter.org/index.cfm> — Дата доступа: 23. 06. 2010.
10. *Harrison, H. M.* The Berlin Crisis and the Khrushchev — Ulbricht Summits in Moscow, 9 and 18 June 1959 / H. Ё. Harrison // *Cold War International History Project*. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Bulletin № 11. P. 204—217 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wilsoncenter.org/index.cfm> — Дата доступа: 23.06.2010.
11. *Hudson, J. F.* Russia and China, the Dilemmas of Power / J. F. Hudson // *Foreign Affairs*. Vol. 39, № 4. 1960. P. 1—10.
12. *Keller, J. W.* Germany, the Wall and Berlin: Internal Politics During an International Crisis / J. W. Keller. N. Y. : Vantage Press, 1964.
13. *Livingston, R. G.* East Germany Between Moscow and Bonn / R. G. Livingston // *Foreign Affairs*. 1972. Vol. 50, № 2. P. 297—309.
14. *Maddrell, P.* Exploiting and Securing the Open Border in Berlin: the Western Secret Services, the Stasi, and the Second Berlin Crisis, 1958—1961 / P. Maddrell // *Cold War International History Project*. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Working Paper № 58. P. 1—35 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wilsoncenter.org/index.cfm> — Дата доступа: 23. 06. 2010.
15. *MacAdams, J.* Germany Divided, From the Wall to Reunification / J. MacAdams. Princeton, N. Y. : Princeton University Press, 1993.

16. *Ostermann, Ch. F.* This is Not A Politburo, But A Madhouse. The Post-Stalin Succession Struggle, Soviet *Deutschlandpolitik* and the SED: New Evidence from Russian, German, and Hungarian Archives / Ch. F. Ostermann // Cold War International History Project. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Bulletin №10. P. 61—110 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id — Дата доступа: 23.06.2010.

17. *Остерманн, К.* США и события 17 июня 1953 года в ГДР / К. Остерманн // Вопросы истории. 1999. № 11—12. С. 49—66.

18. *Richter, J.* Reexamining Soviet Policy Towards Germany during the Beria Interregnum / J. Richter // Cold War International History Project. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Working Paper № 3. P. 1—31 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wilsoncenter.org/index.cfm> — Дата доступа: 23.06.2010.

19. *Schick, J. M.* The Berlin Crisis 1958—1962 / J. M. Schick. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1971.

20. *Selvage, D.* The End of the Berlin Crisis: New Evidence From the Polish and East German Archives / D. Selvage // Cold War International History Project. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Bulletin № 11. P. 218—229 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wilsoncenter.org/index.cfm> — Дата доступа: 23.06.2010.

21. *Selvage, D.* New Evidence on the Berlin Crisis 1958—1962. Khrushchev's November 1958 Berlin Ultimatum: New Evidence from the Polish Archives / D. Selvage // Cold War International History Project. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Bulletin № 11. P. 200—203 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wilsoncenter.org/index.cfm> — Дата доступа: 23.06.2010.

22. *Slusser, R.* The Opening Phase of the Struggle for Germany / R. Slusser // Slavic Review. September 1979. Vol. 38, № 3. P. 473—480.

РЕЗЮМЕ. SUMMARY

В статье анализируются взгляды англо-американских исследователей на проблему германской политики СССР периода 1953—1964 гг. Автор рассматривает процесс формирования и трансформации оценок ученых, касающихся событий, имевших место в Восточной Германии летом 1953 г. и в Западном Берлине в 1958—1961 гг., выявляет причины, предопределившие направленность изысканий западных специалистов.

The article is devoted to the problem of analyzing sights of Anglo-American authors on the problem of the Events in East Germany and West Berlin. The author analyzes formation and transformation of the estimations of researchers. The author reveals the basic laws of change of paradigms in Anglo-American historiography and underlines perspective directions of further studying.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 20 ліпеня 2010 г.